
ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 910.3

ОЦЕНКА РИСКОВ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ КОЛУМБИИ

© 2026 г. В. С. Скачков^{1, *}, Д. В. Заяц^{2, 3, **}

¹Институт географии РАН, Москва, Россия

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, Москва, Россия

³Московский педагогический государственный университет, географический факультет, Москва, Россия

*e-mail: cccp271994@mail.ru

**e-mail: dv.zayac@mpgu.su

Поступила в редакцию 21.01.2025 г.

После доработки 05.12.2025 г.

Принята к публикации 23.12.2025 г.

В исследовании оцениваются риски пространственной дезинтеграции Колумбии как примера латиноамериканского государства с относительно слабым контролем государственного пространства центральным правительством. Под пространственной дезинтеграцией в исследовании понимается процесс нарушения и разрушения системообразующих связей между регионами, в результате которого могут возникнуть “серые зоны” — территории, которые не контролируются центральным правительством. Методика расчета риска пространственной дезинтеграции страны опирается на равнозначность семи факторов: исторического, социально-экономического, внутривластного, этнокультурного, транспортного, военно-стратегического, внешнеполитического. При этом значимость каждого фактора определяется долей населения страны, проживающего в территориальных единицах с высокими показателями риска дезинтеграции по данному фактору. В рамках исследования было выявлено, что почти все департаменты Колумбии имеют опыт дезинтеграции в прошлом (в основном — в рамках многочисленных гражданских войн), позднее — из-за деятельности радикальных вооруженных группировок и наркокартелей. Установлено, что исторический, социально-экономический и этнокультурный факторы являются ведущими в архитектуре рисков пространственной дезинтеграции Колумбии. Общий риск пространственной дезинтеграции Колумбии превышает аналогичные показатели у ряда государств Латинской Америки, к которым применялась данная методика (Венесуэла, Эквадор, Аргентина, Чили, Мексика). При этом Колумбия по риску пространственной дезинтеграции уступает Боливии. Число департаментов Колумбии, в которых сочетаются высокие риски по четырем и более факторам пространственной дезинтеграции, — 12 (из 33 единиц АД 1-го порядка). Наибольшие риски отмечены в департаментах Чоко (сочетание 6 факторов из 7 возможных), Северный Сантандер (набор факторов с высокими рисками резко отличается от большинства остальных гетерогенных регионов), а также в территориально удаленном островном департаменте Сан-Андрес и Провиденсия, являющимся объектом территориального спора с Никарагуа. Наблюдается сходство пространственного рисунка и структуры рисков дезинтеграции с ранее рассчитанными авторами соответствующими показателями соседней Венесуэлы.

Ключевые слова: факторы пространственной дезинтеграции, сепарационизм, территориальный конфликт, департаменты Колумбии

DOI: 10.7868/S2658697526020025

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В условиях геополитической турбулентности последних лет глобализационная парадигма испытывает кризис. Межгосударственные соглашения пересматриваются, санкционное давление заставляет перенаправлять потоки капиталов, товаров и услуг, возникают новые

блоки, ассоциации и союзы. Интеграция между государствами может сопровождаться противоположными процессами на уровне отдельных регионов внутри этих государств: территории по-разному интегрируются, акцептируют капитал, рабочую силу или даже идеи (с разной скоростью и иными характеристиками). Тем

самым, регионы отдаляются друг от друга в пределах одной страны и порождают интеграционно-дезинтеграционную дихотомию. Проблемы интегрированности государственного пространства в зарубежных странах рассматривались Х. Монталво и М. Рейналь-Керолем (Montalvo and Reynal-Querol, 2005), А. Алесина и Э. Спалаоре (Alesina and Spolaore, 1997), в России — А.И. Трейвишем (2001; политические, социальные и экономические риски для страны и для отдельного региона в случае его отделения), Р.Ф. Туровским (2006; факторы политической регионализации), акцентируются в работах А.Б. Себенцова и В.А. Колосова (2012; изучение феномена неконтролируемых территорий как радикального исхода пространственной дезинтеграции), Ф.А. Попова (2015; разработка системы факторов сепарационизма и зон распространения сепарации).

Подавляющее большинство исследований, рассматривающих интеграцию и дезинтеграцию на уровне стран, в качестве объекта исследования выбирают государство и надгосударственные образования, в то время как внутригосударственные центробежные тенденции изучены пока недостаточно. Более того, в исследованиях наблюдается недостаток инструментов анализа внутренних дезинтеграционных процессов, аккумулирующих подходы разных научных областей (экономической, политической, социокультурной, физико-географической и т.д.). Давно назрела необходимость разработки комплексной и универсальной методики оценки масштабов дезинтеграции, которая бы учитывала сложность и многообразие государственного пространства, с одной стороны, а с другой — опиралась бы на доступные статистические показатели и могла быть апробирована и верифицирована широким кругом исследователей. Комплексное изучение дезинтеграционных процессов в рамках государства позволяет быстрее выявлять и купировать риски неравномерного развития разных частей государственного пространства, минимизировать многочисленные риски, связанные с потенциальной внутривластной турбулентностью.

В рамках исследования под пространственной дезинтеграцией подразумевается ослабление, нарушение и возможное последующее разрушение системообразующих (экономических, политических, транспортных и др.) связей между регионами государства. Под риском пространственной дезинтеграции понимается потенциально измеримая возможность наступления неблагоприятных последствий нарушения и разрушения системообразующих связей между частями государства (Скачков, Заяц, 2022а, 2022б). Детерминация как общего уровня

дезинтеграции в стране, так и выявление наиболее предрасположенных к дезинтеграции регионов — важная государственная задача, которая должна находить отражение в региональной политике.

Следует отличать от пространственной дезинтеграции иные понятия, характеризующие дробление государственной территории, прежде всего, сепарацию. Сепарационизм, как и ирредентизм, или потеря контроля над территорией со стороны центральной власти — это наиболее радикальное проявление пространственной дезинтеграции. Иными атрибутами пространственной дезинтеграции могут быть усиление диспропорций социально-экономического развития между различными регионами, усиление расово-этнических, религиозных и иных диспропорций в структуре населения отдельных территорий, нарушения в работе транспортной инфраструктуры, препятствующие перетокам людей, капитала, товаров и услуг и др.

Латинская Америка не так часто попадает в поле зрения отечественных политико-географов. Будучи периферийным регионом, она представляется важным игроком с точки зрения поставки ресурсов для нового технологического уклада (начиная от венесуэльской нефти и заканчивая боливийским литием), а также пространством поиска партнеров и союзников для государств, реализующих стратегию многополярности мира. Подобная дуальность, а также промежуточное положение по основным показателям развития [индекс человеческого развития (ИЧР), воспроизводство населения, продолжительность суверенного существования и др.] между бедными странами Африки, с одной стороны, и богатыми государствами Запада, с другой, предопределила выбор Латинской Америки в качестве полигона для рассмотрения дезинтеграционных процессов.

Риски пространственной дезинтеграции для ряда латиноамериканских государств (Венесуэла, Мексика, Чили, Эквадор, Боливия, Аргентина) уже оценивались авторами этой статьи (Скачков, Заяц, 2022а, 2022б, 2023а, 2023б), но Колумбия имеет ряд специфических черт. Ее уникальность заключается в том, что на территории государства десятилетиями шел трехсторонний вооруженный конфликт (между правительством, леворадикальными повстанцами и наркокартелями). Учитывая эту особенность, разработанная авторами методика оценки рисков пространственной дезинтеграции применяется для качественно нового примера страны, в которой пространственная дезинтеграция представлена фактически, а не потенциально.

Внимание как отечественных, так и зарубежных общественных географов — исследователей Колумбии направлено на ограниченное число сюжетов. Как правило, это работы, посвященные проблемам наркотрафика и урегулирования внутреннего вооруженного конфликта с леворадикальными повстанцами, а также с ультраправыми военизированными формированиями (“парамилитарес”). Поскольку насилие из идеологического противостояния постепенно трансформировалось в войну за экономические ресурсы, в стране сложилась оригинальная система социально-экономических и политических отношений между наркокартелями и политическими силами. Этот феномен получил название “наркогерилья”. Среди работ отечественных специалистов, изучавших Колумбию, следует отметить исследования З.В. Ивановского (2020, 2022), Э.С. Дабагына (2017), Д.В. Лобача и Е.А. Смирновой (2016) и А.А. Манухина (2020). Наиболее значительными географическими работами о Колумбии зарубежных специалистов можно считать исследования Моралеса Ньето (Morales Nieto, 2015), Л.Д. Гонсалеса Кортеса и С. Хусейн-Талеро (González-Cortés and Husain-Talero, 2020), М. Гуаска и др. (Guasca et al., 2021), Т. Флореса (Flores, 2014), А. Суареса и др. (Suarez et al., 2018), Д. Виллара и Д. Шеффера (Villar and Schaeffer, 2019).

Цель исследования — оценить риски пространственной дезинтеграции Колумбии как страны в целом, а также подобные риски для ее административно-территориальных единиц 1-го порядка — департаментов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках исследования предполагается, что возникновение лакун и “серых зон” (в которых функции, обычно исполняемые государством, берут на себя иные акторы) инспирируется сложным процессом, именуемым пространственной дезинтеграцией — ослаблением и разрушением системообразующих связей между регионами государства. Эта дезинтеграция подвержена воздействию ряда факторов. Авторы данного исследования выделяют семь факторов пространственной дезинтеграции: исторический, социально-экономический, внутривнутриполитический, этнокультурный, транспортный, военно-стратегический, внешнеполитический (табл. 1).

Созданная авторами методика позволяет оценить гомогенность политического пространства государства, а также выявить наиболее гетерогенные регионы, которые потенциально могут выступать “генераторами” дезинтеграционных

процессов. Под регионом в исследовании подразумевается человеческое сообщество, населяющее определенную административно-территориальную единицу, которое выступает источником экономических, политических, социокультурных и иных преобразований. Чем больше населения напрямую затрагивает тот или иной фактор пространственной дезинтеграции, тем он объективно важнее и для общества, и для государства. Исходя из этого, формула расчета рисков пространственной дезинтеграции для страны будет иметь следующий вид:

$$F = \frac{n}{N}, \quad (1)$$

где F — вес отдельного фактора; n — суммарная численность населения, проживающего в единицах административно-территориального деления (АТД), подверженных риску пространственной дезинтеграции по данному фактору; N — общая численность населения в государстве.

Общий риск пространственной дезинтеграции страны определяется по следующей формуле:

$$\Sigma = F_{\text{и}} + F_{\text{сэ}} + F_{\text{внутр}} + F_{\text{э}} + F_{\text{т}} + F_{\text{вс}} + F_{\text{внешн}}, \quad (2)$$

где Σ — итоговый показатель риска пространственной дезинтеграции страны; $F_{\text{и}}$ — риск исторического фактора; $F_{\text{сэ}}$ — риск социально-экономического фактора; $F_{\text{внутр}}$ — риск внутривнутриполитического фактора; $F_{\text{э}}$ — риск этнокультурного фактора; $F_{\text{т}}$ — риск транспортного фактора; $F_{\text{вс}}$ — риск военно-стратегического фактора; $F_{\text{внешн}}$ — риск внешнеполитического фактора. Подробнее методика расчета риска пространственной дезинтеграции изложена в ранней работе авторов (Скачков, Заяц, 20226).

Расчет рисков пространственной дезинтеграции Колумбии проводится впервые. Этой стране свойственны многие типичные черты латиноамериканских государств — высокий уровень социального и имущественного расслоения; экономическая модель, построенная на экспорте сырья и продуктов с низкой добавленной стоимостью; значительные территориальные диспропорции развития — относительно благополучные столица и регионы экспортной специализации и бедная аграрная периферия; обыденность проявлений насилия, прежде всего криминальными кругами.

В то же время Колумбии присущи и некоторые отличия в виде самого высокого индекса Джини среди государств Латинской Америки (3-е место в мире) и высокого показателя рейтинга недееспособности государства (уступает

Таблица 1. Индикаторы действия факторов пространственной дезинтеграции для стран Латинской Америки

Фактор	Индикатор	Пороговые значения индикатора для отнесения региона к группе регионов с высокими рисками
Исторический	Суммарная продолжительность автономии и/или фактической независимости региона	Потеря контроля над регионом со стороны центральной власти на срок свыше 1 месяца
Социально-экономический	ИЧР	Верхний и нижний квартили по значениям ИЧР среди единиц АТД 1-го порядка
Внутриполитический	Отклонение в доле голосов за победившего кандидата (партию) от среднего значения по стране	Свыше 20 п. п. от среднего значения по стране на протяжении двух и более избирательных кампаний
Этнокультурный	Отклонение в доле основных этнических (этнорасовых, этнокультурных, этноконфессиональных) групп в регионе от их средней доли в стране	Отклонение более чем в 2 раза в большую и меньшую сторону от среднего показателя по стране
Транспортный	Число сухопутных транспортных связей (автомобильных дорог) с соседними регионами	Наличие менее 2 автодорог в соседний регион при наличии 1 соседа и менее 3 дорог при наличии большего числа соседей
Военно-стратегический	Балльная оценка сформированности военной инфраструктуры (военные базы и штабы, стратегические производства) в регионе	Регионы без пунктов постоянной дислокации руководства военными округами, а также аэродромов и баз военно-морского флота
Внешнеполитический	Балльная оценка: (а) плотности сухопутных пограничных переходов; (б) размера прямых иностранных инвестиций (ПИИ); (в) военного присутствия иных государств на территории страны	(а) плотность пограничных переходов на 100 км длины границы выше средней по стране; (б) величина ПИИ на душу населения выше средней по стране; (в) число военных баз зарубежных стран — 1 и более. При наличии официальных территориальных притязаний на территорию региона со стороны соседней страны сумма баллов удваивается

Составлено авторами.

в регионе лишь Гаити, Венесуэле и Гондурасу¹. Специфичной чертой историко-политического развития можно считать практически полное отсутствие военных хунт (не считая правление Г. Рохаса Пинильо в 1953–1958 гг.), сильные позиции традиционных партий — Консервативной и Либеральной, “выталкивание” левых сил из легального политического поля и ориентацию на США на протяжении большей части периода независимого развития.

Исходя из этих посылок, гипотеза исследования заключается в том, что риски пространственной дезинтеграции для Колумбии будут

выше, чем для государств Латинской Америки, рассматривавшихся авторами ранее (Венесуэла, Эквадор, Чили, Аргентина, Мексика, Боливия).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Исторический фактор. Специалистами считается, что в Колумбии на протяжении всей ее постколониальной истории были слабы государственные институты. Этот тезис выдвигается в монографии “История Колумбии ...” (2022), а в качестве подтверждения приводятся многочисленные факты гражданских войн.

Другой особенностью страны можно считать значительное количество вооруженных группировок.

¹ Fragile State Index. <https://fragilestatesindex.org> (дата обращения 10.08.2025).

ровок, подрывающих монополию государства на насилие. Наиболее характерные примеры — леворадикальные повстанческие группировки FARC-EP (Революционные вооруженные силы Колумбии — Армия народа), ранее — ELN и М-19, а также их идеологические враги — АУС (Объединенные силы самообороны Колумбии). Как первая, так и вторая структура с 1980-х годов имеют тесные связи с наркокартелями, наиболее известные из которых — Медельинский и картель Кали.

Социально-экономический фактор. Для Колумбии характерны значительные контрасты в показателях ИЧР — от 0.631 в беднейшем департаменте Ваупес до 0.804 в столичном округе. При среднем для страны уровне в 0.758, число департаментов, превышающих этот уровень, всего 10. Согласно методике расчетов риска пространственной дезинтеграции, к регионам-лидерам по уровню жизни населения можно отнести лишь 5: Киндио (0.775), Атлантико (0.777), Сан-Андрес и Providencia (0.780), Валье-дель-Каука (0.782) и столичный округ Богота (0.804)².

Лидерство этих регионов по уровню жизни обуславливается их небольшой площадью и высокими показателями экономического развития. Богота же обеспечивает себе высокие показатели за счет использования “столичной ренты” и концентрации штаб-квартир ТНК, редакций СМИ, финансовых структур и государственного аппарата. Атлантико и Валье-дель-Каука также имеют преимущество в виде наличия морской

портовой инфраструктуры, с помощью которой осуществляется внешняя торговля государства. Сан-Андрес и Providencia — небольшие острова в Карибском море, живущие за счет туризма. Оставшиеся 23 административные единицы 1-го порядка имеют уровень ИЧР ниже среднего по стране. Нижний и самый отсталый квартиль формируют 12 департаментов (табл. 2). Это преимущественно бедные аграрные территории, лежащие на периферии государства.

Транспортный фактор. Неравномерность в размещении населения приводит к сильным диспропорциям хозяйственного освоения и, как следствие, к транспортной изолированности отдельных районов государства. Предпосылками к этому являются природные условия — по центру страны с севера на юг проходят несколько горных хребтов Анд, затрудняющих связи. В работе В.О. Дубовика (2015) отмечается, что сухопутная транспортная сеть Колумбии охватывает примерно 2/5 территории государства. Ведущая роль в Колумбии принадлежит автомобильному транспорту. Вполне закономерно, что связность между регионами Колумбии сокращается при продвижении от центра к периферии, наиболее сложная ситуация — на юго-востоке страны. Департаменты Амасонас, Гуайния, Ваупес не имеют всепогодных автомобильных путей, ведущих в соседние регионы: коммуникации совершаются посредством водного транспорта (рр. Мета, Инирида, Какета и др.). Департамент Сан-Андрес и Providencia ввиду своего островного положения связан с континентом только воздушным и морским транспортом.

Проведенные национальными специалистами исследования постулируют слабую включенность значительной части страны во внутренние

² GlobalDataLab. Subnational Human Development Index. <https://globaldatalab.org/shdi/table/shdi/COL/> (дата обращения 10.08.2025).

Таблица 2. Расчет рисков пространственной дезинтеграции Колумбии на начало 2020-х годов

Фактор	Численность населения регионов с высокими рисками по данному фактору, тыс. чел., 2022 г.	Доля населения регионов с высокими рисками от всего населения страны, %	Значение риска по данному фактору
Исторический	47 019	89	0.89
Социально-экономический	26 832	51	0.51
Внутриполитический	11 378	21	0.21
Этнокультурный	27 563	52	0.52
Транспортный	1 902	4	0.04
Военно-стратегический	11 146	21	0.21
Внешнеполитический	19 211	36	0.36
ИТОГО			2.74

Составлено авторами.

торговые и миграционные потоки. В совместной британско-колумбийской работе (Prieto Curiel et al., 2022) отмечено, что 70% колумбийцев не совершают миграций за пределы своего департамента, основные перетоки происходят между крупными городами и имеют возвратный характер в 76% случаев. В то же время сельская молодежь не отличается подобной возвратной мобильностью: как правило, такие мигранты переезжают в крупный город безвозвратно, углубляя половозрастные различия между урбанизированными и преимущественно сельскими департаментами.

Отдельно стоит отметить и крайне неоднородную структуру торговых потоков между департаментами Колумбии. В отчете Центра изучения региональных экономик (Cortázar-Gómez and Pineda-Guarín, 2019) представлены результаты исследований грузопотоков между регионами страны с 2015 по 2018 г. Несмотря на потенциально высокую транспортную связность, интенсивность потоков неравномерна: торговля ведется в основном между крупными промышленными центрами (Медельин, Богота с пригородами, Кали) и морскими портами, задействованными в международной торговле (Буэнавентура, Барранкилья). Прослеживается очевидная закономерность: в условиях плохой транспортной доступности торговые потоки либо крайне слабы, либо отсутствуют (Чоко, Ваупес, Амазонас).

Внутриполитический фактор. Политическая система Колумбии на протяжении двух веков демонстрировала диалектичную квазиустойчивость: с одной стороны в стране утвердилась двухпартийная система (Консервативная и Либеральная партии), с другой — внутри традиционных партий часто возникали течения, которые стремились к коалициям со своими политическими оппонентами. В сопоставимых по размерам территории или численности населения государствах Латинской Америки такого эффекта не наблюдалось.

В Колумбии проявляется еще одна специфическая черта — выталкивание левых сил из парламентского процесса. Начиная с середины прошлого столетия, когда в результате Ла Виоленсии (вооруженный конфликт между Либеральной и Консервативной партиями в 1948–1956 гг.) подняла голову герилья, социалистические движения выпали из легального поля. Возвращение в электоральные процессы представителей левых сил, создание собственных легальных организаций, которое началось в последние два десятилетия — все это сильно деформировало те электорально-географические тренды, которые существовали до этого (Рохас Сампер, 2023).

В рамках применяемой методики производился расчет отклонения доли поданных голосов между победившим и проигравшим кандидатами на президентский пост сначала для всей страны, затем — для каждого департамента. На следующем этапе рассчитывалась разница между электоральной поддержкой победителя на уровне государства и на уровне отдельного региона. Данные брались за 4 последние избирательные цикла³, эти показатели усреднялись. Наиболее подверженными риску пространственной дезинтеграции по данному фактору оказались департаменты со средним отклонением свыше 20 п. п.: Атлантико (отклонение 21 п. п.), Уила (22), Какета (22), Мета (23), Северный Сантандер (23), Араука (25), Чоко (28), Нариньо (32), Каука (34), Ваупес (34), Путумайо (38) и Касанаре (40). За исключением Атлантико, все эти регионы — небольшие и даже суммарно концентрируют менее 1/4 населения государства.

Этнокультурный фактор. Выражение этнокультурного фактора в Латинской Америке понимается как пространственная дифференциация расово-этнического состава населения. Большая часть населения Колумбии (87%) — метисы и белые, не разделяемые в рамках статистического учета. Другие выделяемые расово-этнические общности — мулаты и афроколумбийцы (6.7%), индейцы (4.3%)⁴.

Несмотря на длительную историю сосуществования потомков креолов и индейцев, отмену рабства в середине XIX в. и общемировые тенденции, в Колумбии сохраняются некоторые черты расовой сегрегации. Чернокожее население слабее охвачено образованием и, как следствие, занято на низкоквалифицированных и малооплачиваемых работах. В государственном секторе афроколумбийцы представлены лишь на рядовых должностях, чернокожих нет в верхних политических эшелонах страны (McFarlane, 1990).

Индийское происхождение долгое время могло быть причиной торможения социальных лифтов, что в целом характерно и для всего латиноамериканского региона. При этом социологическая служба Latinobarometro отмечает резкое увеличение числа колумбийцев, идентифицирующих себя как “чистокровных або-

³ Registraduría Nacional del Estado Civil. <https://observatorio.registraduria.gov.co/historico-resultados.html> (дата обращения 10.08.2025).

⁴ Departamento Administrativo Nacional de Estadística. <https://www.dane.gov.co/index.php/estadisticas-por-tema/demografia-y-poblacion/grupos-etnicos/informacion-tecnica> (дата обращения 10.08.2025).

ригенов” — с 1.9 млн в 2018 г. (4.3%) до 5.2 млн в 2023 г. (10%)⁵.

В рамках методики расчета риска пространственной дезинтеграции существенным признается двухкратное отклонение (в большую или меньшую из сторон) доли расово-этнического меньшинства в структуре населения региона по сравнению со средним значением по стране. Колумбия имеет свою специфику, поскольку в ее случае нужно оперировать одновременно двумя расово-этническими общностями, отличающимися от преобладающей: это афроколумбийцы и индейцы. При средней доле меньшинств по стране в 11% граничными показателями для регионов с высокими рисками по данному фактору становятся значения свыше 22% и ниже 5.5%.

Территориальное распределение афроколумбийцев и индейцев контрастно. Департаменты на побережье Тихого океана характеризуются повышенной долей чернокожего населения: Чоко (74%), Каука (20%) Нариньо (17%), Валье-дель-Каука (17%) и особенно Сан-Андрес и Providencia (56%). Это следствие исторических процессов: в период рабовладения Испанская корона ввозила сюда выходцев из Африки для работ на плантациях и в горнодобывающей промышленности.

Индейцы ожидаемо сконцентрированы в регионах, расположенных в амазонской сельве. Это департаменты Путумайо (18%), Каука (25%), Амасонас (58%), Вичада (58%), Гуайния (75%), Ваупес (82%), а также Гуахира (48%) на крайнем севере страны. Таким образом, основная часть колумбийской ойкумены заселена преимущественно метисами и белыми, а периферия — выходцами из Африки или коренными жителями Америки.

Военно-стратегический фактор. Особенно географического положения Колумбии (выход к двум океанам), а также своеобразная система расселения, сформировали военно-инфраструктурный каркас государства, включающий в себя штабы сухопутных дивизий, военно-морские и военно-речные базы (последний тип военных объектов весьма характерен для латиноамериканских государств, учитывая почти полное отсутствие сухопутной транспортной инфраструктуры в сельве), военные аэродромы.

Исходя из этого, наименьшему контролю со стороны вооруженных сил Колумбии подвержены департаменты Чоко, Киндио, Рисаральда, Гуахира, Кальдас, Уила, Бояка, Сесар, Каука,

Северный Сантандер, Кордоба. Анализируя пространственный рисунок военной инфраструктуры Колумбии, можно выделить некоторые закономерности. Исходя из исследований, проведенных для других государств региона, сопоставимых по конфигурации с Колумбией, дефицит военного контингента можно встретить как на периферии государства, так и в его центре. Если на периферии это часто определяется транспортной недоступностью (прежде всего ввиду природных особенностей), то в центре, где транспортная связность обычно высокая, такие лакуны могут возникать вследствие усиленного военного контроля в соседних единицах АТД. В случае радикализации процессов пространственной дезинтеграции, центральная власть может быстро ввести войска, используя базы в соседних регионах. Однако в Колумбии такого не наблюдается: военная инфраструктура здесь сравнительно рыхлая с точки зрения территориального размещения. Даже повстанцы из FARC смогли убедить правительство создать на рубеже веков демилитаризованную зону (“Фаркландию”) на юго-востоке страны, что отразилось в балльной оценке наличия военного контингента и инфраструктуры⁶.

Внешнеполитический фактор. Риски этого фактора пространственной дезинтеграции определяются различными маркерами, отражающими наиболее явное влияние зарубежных акторов на суверенное территориальное пространство государства:

“Жесткая сила”. Несмотря на то, что Колумбия издавна была вовлечена в орбиту влияния США, закупала у них вооружение, прибегала к помощи инструкторов и специалистов силовых структур для борьбы с наркотрафиком и повстанцами, военных баз США (как и других государств) в Колумбии в настоящее время нет.

Проницаемость границ. По данным налогового и таможенного управления Колумбии, на рубежах страны действуют 10 пограничных переходов, 2 из которых — речные. Оставшиеся 8 сухопутных пунктов пропуска распределены крайне неравномерно: 3 из них — в Северном Сантандере, оставшиеся — по одному в департаментах Амасонас, Путумайо, Араука, Гуахира, Нариньо. Исходя из имеющихся данных, плотность пограничных пропускных пунктов (в расчете на 100 км границы): Амасонас — 0.05 (1 балл); Путумайо — 0.22 (1 балл); Араука — 0.25 (1 балл); Нариньо — 0.34

⁵ Latinobarometro. <https://www.latinobarometro.org> (дата обращения 10.08.2025).

⁶ Ивановский З. У FARC и ELN нет поддержки населения // Международная жизнь. 03.11.2016. <https://interaffairs.ru/news/show/16309> (дата обращения 10.08.2025).

(2 балла); Гуахира — 0.4 (2 балла), Северный Сантандер — 0.71 (3 балла)^{7, 8}.

“Мягкая сила”. Почти все иностранные инвестиции направляются в столичный округ и департаменты Валье-дель-Каука и Антьокия (скорее всего, это инвестиции в крупные города Кали и Медельин соответственно), а также в Атлантико — важный транспортный узел на севере страны (Moreno Aristizábal, 2022). Каждый из перечисленных регионов получил по 2 балла при расчете рисков пространственной дезинтеграции.

Территориальные споры. Существует территориальный спор между Колумбией и Никарагуа по вопросу принадлежности островов, входящих в состав департамента Сан-Андрес и Providencia. В начале XXI в. ООН приняла компромиссное решение о территориальной принадлежности островов Колумбии, а морской акватории вокруг — Никарагуа (исключительная экономическая зона). Подобное решение не устроило обоих участников конфликта, они продолжили юридическую тяжбу о принадлежности территории и акватории⁹. В итоге при расчете риска дезинтеграции островному департаменту начисляются 2 балла.

После суммирования баллов по различным маркерам внешнеполитического фактора, получаются следующие результаты: Северный Сантандер — 3 балла; Нариньо, Гуахира, Валье-дель-Каука, Антьокия, Атлантико, Сан-Андрес и Providencia — по 2 балла; Путумайо, Араука, Амасонас — 1 балл. Интересно, что нет ни одного департамента, получившего баллы сразу по нескольким маркерам данного фактора.

Определение итогового риска пространственной дезинтеграции Колумбии. Согласно расчетам по предлагаемой авторами методике, итоговое значение риска пространственной дезинтеграции Колумбии равно 2.74 (см. табл. 2). Сопоставляя полученный показатель с оценками подобных рисков для других государств Латинской Америки, можно сделать вывод о том, что Колумбия — одна из самых дезинтегрированных стран региона. Рассчитанный по аналогичной методике риск пространственной дезинтеграции Эквадора составляет 1.34, Аргентины — 1.62, Чили — 1.85, Мексики — 2.23, Венесуэлы — 2.3,

а лидером дезинтеграции является Боливия с показателем 3.17 (Скачков, Заяц, 2022а, 2022б, 2023а, 2023б). Для Колумбии — государства, значительная часть территории которого в течение длительного времени не контролировалась центральным правительством, полученные значения кажутся ожидаемыми и объективными. Отметим, что и рейтинг несостоятельности государств показывает достаточно высокий уровень “проблемности” колумбийского государства. С другой стороны, гипотеза исследования предполагала для Колумбии наивысшие значения риска пространственной дезинтеграции из всех рассмотренных государств Латинской Америки, что не подтвердилось: Боливия имеет более высокий показатель.

Методика исследования предполагает не только расчет рисков пространственной дезинтеграции для всей страны, но и определение рисков для отдельных ее регионов. Из сочетаний повышенных значений индикаторов рисков разных факторов пространственной дезинтеграции в различных регионах Колумбии чаще всего повторяются исторический, социально-экономический и этнокультурный факторы. Значительная часть департаментов с высокими рисками вписывается в следующую модель — регион имел опыт дезинтеграции в прошлом, вследствие восстаний или деятельности незаконных вооруженных формирований (НВФ), отстает по значению ИЧР, имеет электоральное своеобразие, населен в значительной степени индейцами или афроколумбийцами. Под такое описание подпадают департаменты Нариньо, Каука, Гуахира, Чоко, Гуайния, Ваупес и, в меньшей степени, Путумайо. Какета и Уила имеют схожий набор факторов, однако отклонение по доле расово-этнических групп от средней по стране идет в сторону метисов и белых, а не индейцев или выходцев из Африки.

Большинство департаментов с высокими рисками пространственной дезинтеграции расположено на периферии государства, и более половины из них занимает приграничное положение (рис. 1). Так, пограничный с Панамой и выходящий к Тихому и Атлантическому океанам департамент Чоко имеет высокие риски сразу по 6 факторам. Сопоставляя его с единицами АТД 1-го порядка в других странах Латинской Америки, для которых проводился расчет рисков пространственной дезинтеграции, мы видим, что сочетание высоких рисков по 6 факторам из 7 возможных наблюдалось лишь в боливийском департаменте Санта-Крус. В том случае речь шла о де-факто сепарации, однако подобного не наблюдается в колумбийском примере.

⁷ Departamentos Frontizeros de Colombia. https://sogeocol.edu.co/Ova/fronteras_colombia/fronteras/departamentos.html (дата обращения 10.08.2025).

⁸ Dirección de Impuestos y Aduanas Nacionales. URL: <https://www.dian.gov.co/aduanas/Paginas/Pasos-de-Frontera.aspx> (дата обращения 10.08.2025).

⁹ Суд ООН постановил, что Колумбия должна прекратить деятельность в морской зоне Никарагуа // ТАСС. 21.04.2022. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14438879> (дата обращения 10.08.2025).

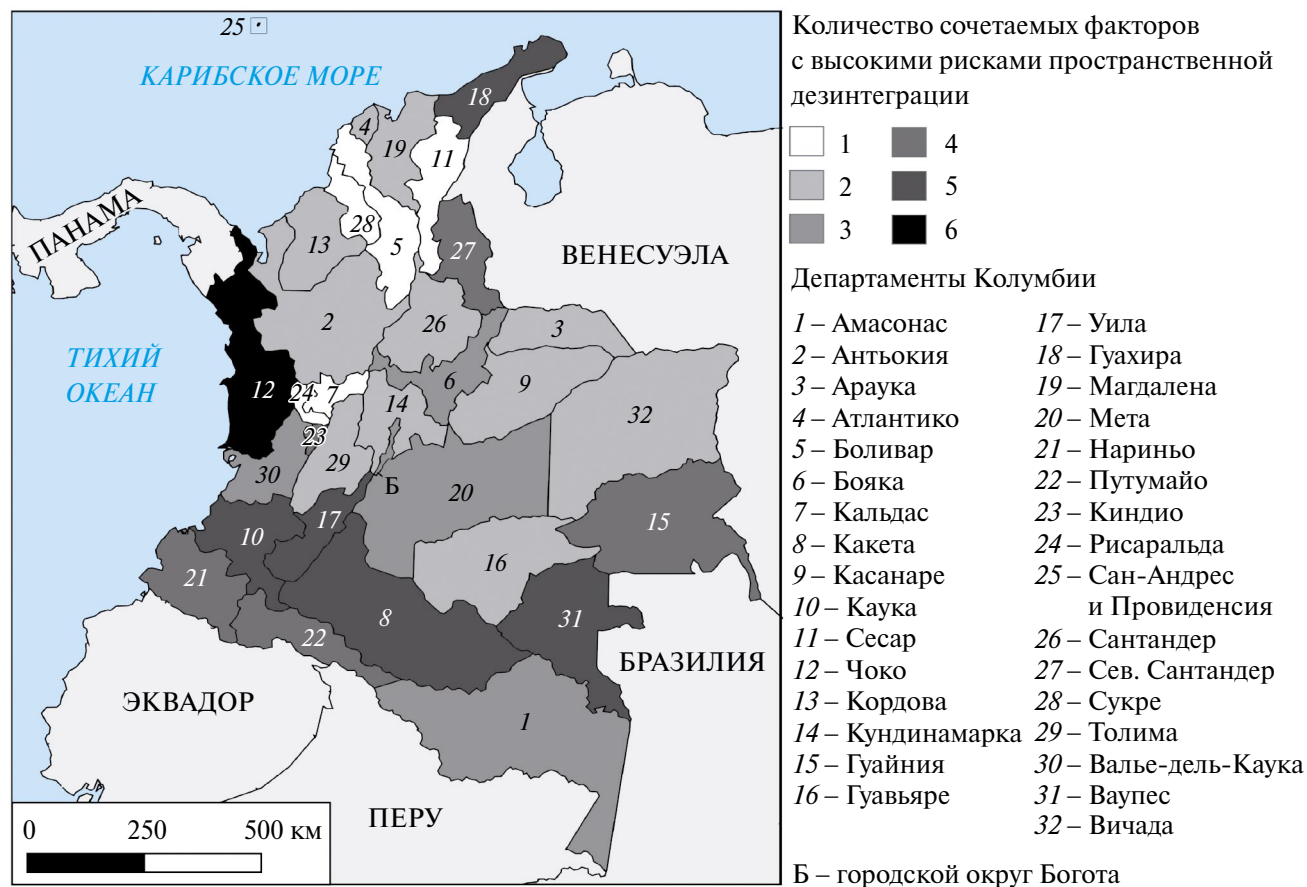

Рис. 1. Количество сочетаемых факторов с высокими рисками пространственной дезинтеграции по департаментам Колумбии на начало 2020-х годов.

Отдельно отметим, что сочетание на колумбийско-венесуэльской границе сразу двух наиболее гетерогенных регионов (штат Тачира — лидер в Венесуэле, департамент Северный Сантандер — один из лидеров в Колумбии) формируют новые контуры будущих трансграничных исследований пространственной дезинтеграции.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Колумбия представляется примером государства, для которого характерны высокие риски пространственной дезинтеграции. Это происходит из-за значительных контрастов хозяйственного освоения территории, активной деятельности НВФ, мозаичного этнокультурного пространства. В Колумбии 12 из 33 единиц АТД 1-го порядка сочетают в себе высокие риски по более, чем половине (4 и более) факторов пространственной дезинтеграции. При радикализации исходов пространственной дезинтеграции в 7 из 12 регионов с высокими рисками будет затруднительно пресекать попытки политической дестабилизации по причине их приграничного положения.

Учитывая отличия Колумбии от государств Латинской Америки, в отношении которых нами уже применялась методика определения риска пространственной дезинтеграции, можно отметить сходство пространственного рисунка и структуры рисков дезинтеграции с соседней Венесуэлой. Колумбию и Венесуэлу “роднят” высокие значения индикаторов рисков социально-экономического, военно-стратегического и внешнеполитического факторов, а с Боливией — исторического, внешнеполитического и этнокультурного факторов. Пространственная дезинтеграция Колумбии не похожа на ее рисунок в сопоставимой по численности населения и количеству единиц АТД Аргентине (но последняя существенно больше по площади). Пространственная модель дезинтеграции в Мексике похожа на колумбийский случай лишь по значимости этнокультурного и военно-стратегического факторов, но Колумбия исторически была более раздроблена, а на современном этапе, наоборот, более внутривластически консолидирована, чем Мексика. Наконец, итоговый риск пространственной дезинтеграции Колумбии выше аппроксимированного по региону и близок к среднему по Латинской Америке лишь по показателям социально-экономического

и внутривнутриполитического факторов. Перманентно пылающий в Колумбии внутренний вооруженный конфликт ожидаемо нашел отражение в высоких рисках пространственной дезинтеграции в этой стране.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Разработка теоретико-методологических основ изучения процессов пространственной дезинтеграции выполнена на кафедре географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках темы государственного задания “Изменение пространственной структуры мирового хозяйства в условиях формирования многополярного мира”. Расчет рисков пространственной дезинтеграции Колумбии выполнен в Институте географии РАН в рамках темы государственного задания “Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных трансформаций: внутренние и внешние вызовы”, № 1021051703469-7 (FMWS-2024-0008).

FUNDING

The development of theoretical and methodological foundations for the study of spatial disintegration processes was carried out at the Department of Geography of the World Economy, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, as part of the state assignment topic “Changing the spatial structure of the world economy in the context of the formation of a multipolar world.” The risks of spatial disintegration of Colombia were calculated at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences within the framework of the state assignment “Socio-Economic Space of Russia in the Context of Global Transformations: Internal and External Challenges,” no. 1021051703469-7 (FMWS-2024-0008).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дабаян Э.С. Колумбия: трудные дороги к миру // Новая и Новейшая история. 2017. № 5. С. 118–125.
- Дубовик В.О. Транспортная сеть стран Южной Америки // Латинская Америка. 2015. № 4. С. 48–62.
- Ивановский З.В. Колумбия: мирный процесс и вызовы постконфликтного периода // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 1. С. 110–118.
<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-110-118>
- Ивановский З.В. Колумбия: смена парадигмы? Вызовы и перспективы “левого дрейфа” // Свободная мысль. 2022. № 4 (1694). С. 69–84.
- История Колумбии с древнейших времен до начала XXI века / отв. ред. А.А. Щелчков, З.В. Ивановский // Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Наука, 2022. 720 с.
- Лобач Д.В., Смирнова Е.А. Терроризм и наркотрафик в условиях перманентного вооруженного конфликта в современной Колумбии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2016. № 3. С. 135–148.
- Манухин А.А. Колумбийские герильи и левые режимы Латинской Америки: очерки формирования “квазисоюза” // Латинская Америка. 2020. № 7. С. 49–67.
<https://doi.org/10.31857/S0044748X0009861-6>
- Попов Ф.А. Дробление политического пространства мира: основные формы и современные тенденции // Региональные исследования. 2015. № 2. С. 64–73.
- Рохас Самнер М. Густаво Петро: первое левое правительство в истории Колумбии // Латиноамериканский исторический альманах. 2023. № 38. С. 237–263.
- Себенцов А.Б., Колосов В.А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 31–46.
- Скачков В.С., Заяц Д.В. Оценка рисков пространственной дезинтеграции в государстве с многоядерной территориально-политической структурой (на примере Боливии) // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Науки о Земле. 2022а. № 67 (3). С. 475–490.
<https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.305>
- Скачков В.С., Заяц Д.В. Риски дезинтеграции государственной территории (на примере Мексики, Венесуэлы и Чили) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 5. География. 2022б. № 3. С. 50–61.
- Скачков В.С., Заяц Д.В. Динамика рисков пространственной дезинтеграции Аргентины в начале XXI века // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2023а. Т. 1. № 29. С. 34–54.
<https://doi.org/10.35595/2414-9179-2023-1-29-34-54>
- Скачков В.С., Заяц Д.В. Пространственная дезинтеграция государства и оценка ее рисков (на примере Эквадора) // Географический вестн. 2023б. Т. 65. № 2. С. 36–48.
<https://doi.org/10.17072/2079-7877-2023-2-36-48>
- Трейвиш А.И. Регионализация и реинтеграция России: кризисный цикл последнего десятилетия // Изв. РАН. Сер. геогр. 2001. № 4. С. 73–80.
- Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006. 780 с.
- Alesina A., Spolaore E. On the Number and Size of Nations // Q. J. Econ. 1997. Vol. 112. № 4. P. 1027–1056.
- Cortázar-Gómez D.M., Pineda-Guarín J.F. Red de comercio departamental en Colombia: Enfoque gravitacional y análisis topológico de redes // Documentos de Trabajo sobre Economía Regional y Urbana. 2019. № 285. 51 p.

- Departamento Administrativo Nacional de Estadística. <https://www.dane.gov.co> (дата обращения 10.08.2025).
- Flores Th.E.* Vertical Inequality, Land Reform, and Insurgency in Colombia // *Peace Econ. Peace Sci. Public Policy*. 2014. Vol. 20. № 1. P. 5–31. <https://doi.org/10.1515/peps-2013-0058>
- González-Cortés L.D., Husain-Talero S.* Social entrepreneurship and sustainable tourism in Colombia: A baseline study in post-conflict regions // *Int. J. Sustain. Econ. Soc. Cult. Context*. 2020. № 16. P. 65–85.
- Guasca M., Vanneste D., Van Broeck A.M.* Peacebuilding and post-conflict tourism: Addressing structural violence in Colombia // *J. Sustain. Tour*. 2021. P. 1–17.
- McFarlane A.* Cimarrones y Palenques en Colombia: siglo XVIII // *Histor. Espacio*. 1990. № 14. P. 53–78. <https://doi.org/10.25100/hye.v0i14.6846>
- Montalvo J.G., Reynal-Querol M.* Ethnic Polarization, Potential Conflict, and Civil Wars // *Am. Econ. Rev*. 2005. Vol. 95. № 3. P. 796–816.
- Morales Nieto J.* ¿Qué es el postconflicto? Colombia después de la guerra: una breve introducción al reto de cómo enfrentar el proceso de transición hacia la reconciliación y la paz en Colombia / *Lecturas sobre paz y desarrollo*. Barcelona: Grupo Zeta, 2015. 196 p.
- Moreno Aristizábal D.A.* Analysis of the determinants of Foreign Direct Investment (FDI) in developing countries. Specific case of Colombia. Master's Degree in Engineering and Management. Torino: Politecnico di Torino, 2022. 53 p.
- Prieto Curiel R., Quiñones Domínguez M., Lora E., O'Clery N.* Mobility between Colombian cities is predominantly repeat and return migration // *Comput. Environ. Urban Syst*. 2022. Vol. 94. Art. 101774. <https://doi.org/10.1016/j.compenvurbsys.2022.101774>
- Suarez A., Árias-Arévalo P.A., Martínez-Mera E.* Environmental sustainability in post-conflict countries: insights for rural Colombia // *Environ. Dev. Sustain*. 2018. № 20. P. 997–1015. <https://doi.org/10.1007/s10668-017-9925-9>
- Villar D., Schaeffer D.* Disarmament is the New War, Gold is the New Opium, and Ecohealth is the Historic Victim // *Environ. Health Insights*. 2019. Vol. 13. <https://doi.org/https://doi.org/10.1177/1178630219862241>

Assessment of the Risks of Spatial Disintegration in Colombia

V. S. Skachkov^{a,*} and D. V. Zayats^{b,c,**}

^a*Institute of Geography RAS, Moscow, Russia*

^b*Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia*

^c*Moscow State Pedagogical University, Faculty of Geography, Moscow, Russia*

*e-mail: cccp271994@mail.ru

**e-mail: dv.zayac@mpgu.su

The study assesses the risks of spatial disintegration of Colombia as an example of a Latin American state with relatively weak control of public space by the central government. Spatial disintegration in the study is understood as the process of disruption and destruction of the system-forming connections between regions, as a result of which “gray zones” may arise—territories that are not controlled by the central government. The methodology for calculating the risk of spatial disintegration of a country is based on the equivalence of seven factors: historical, socioeconomic, domestic political, ethnocultural, transport, military-strategic, and foreign policy. At the same time, the importance of each factor is determined by the proportion of the country's population living in territorial units with high risk of disintegration according to this factor. The study revealed that almost all departments of Colombia have experience of disintegration in the past (mainly as part of numerous civil wars), later due to the activities of radical armed groups and drug cartels. It has been established that historical, socio-economic and ethnocultural factors are leading in the architecture of risks of spatial disintegration of Colombia. The overall risk of spatial disintegration in Colombia exceeds similar indicators in a number of Latin American countries to which this technique has been applied (Venezuela, Ecuador, Argentina, Chile, Mexico). At the same time, Colombia is inferior to Bolivia in terms of the risk of spatial disintegration. The number of departments in Colombia that combine high risks for 4 or more spatial disintegration factors is 12 (out of 33 administrative divisions of the 1st order). The greatest risks are noted in the departments of Chocó (a combination of 6 out of 7 possible factors), North Santander (a set of high-risk factors sharply differs from most other heterogeneous regions), as well as in the geographically remote island department of San Andres and Providencia, which is the subject of a territorial dispute with Nicaragua. There is a similarity in the spatial pattern and the structure of the risks of disintegration with the corresponding indicators of neighboring Venezuela previously calculated by the authors.

Keywords: factors of spatial disintegration, secessionism, territorial conflict, departments of Colombia

REFERENCES

- Alesina A., Spolaore E. On the number and size of nations. *Q. J. Econ.*, 1997, vol. 112, no. 4, pp. 1027–1056.
- Cortázar-Gómez D.M., Pineda-Guarín J.F. *Red de comercio departamental en Colombia: Enfoque gravitacional y análisis topológico de redes*. Documentos de Trabajo sobre Economía Regional y Urbana. No. 285, 2019. 51 p.
- Dabagyan E.S. Colombia: difficult roads to peace. *Novaya Noveish. Istor.*, 2017, no. 5, pp. 118–125. (In Russ.).
- Departamento Administrativo Nacional de Estadística. Available at: <https://www.dane.gov.co> (accessed: 10.08.2025).
- Dubovik V.O. Transportation systems of the countries of South America. *Latin. Am.*, 2015, no. 4, pp. 48–62. (In Russ.).
- Flores Th.E. Vertical inequality, land reform, and insurgency in Colombia. *Peace Econ. Peace Sci. Public Policy*, 2014, vol. 20, no. 1, pp. 5–31. <https://doi.org/10.1515/peps-2013-0058>
- González-Cortés L.D., Husain-Talero S. Social entrepreneurship and sustainable tourism in Colombia: A baseline study in post-conflict regions. *Int. J. Sustain. Econ. Soc. Cult. Context*, 2020, no. 16, pp. 65–85.
- Guasca M., Vanneste D., van Broeck A.M. Peacebuilding and post-conflict tourism: Addressing structural violence in Colombia. *J. Sustain. Tour.*, 2021, pp. 1–17.
- Istoriya Kolumbii s drevneishikh vremen do nachala 21 veka* [History of Colombia from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century]. Moscow: Nauka Publ., 2022. 720 p.
- Ivanovskii Z.V. Colombia: Peace process and challenges in the post-conflict period. *Mir. Ekon. Mezhdun. Otnosh.*, 2020, vol. 64, no. 1, pp. 110–118. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-110-118>
- Ivanovskii Z.V. Colombia: a paradigm change? Challenges and prospects of the “left shift”. *Svobodn. mysl'*, 2022, no. 4, pp. 69–84. (In Russ.).
- Lobach D.V., Smirnova E.A. Terrorism and drug traffic during permanent armed conflict in modern Colombia. *Aziat.-Tikhookean. Reg.: Ekon., Polit., Pravo*, 2016, no. 3, pp. 135–148. (In Russ.).
- Manukhin A.A. Colombian guerrillas and Latin American left regimes: The sketch of building a “quasi-alliance”. *Latin. Am.*, 2020, no. 7, pp. 49–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0044748X0009861-6>
- McFarlane A. Cimarrones y palenques en Colombia: Siglo 18. *Histor. Espacio*, 1990, no. 14, pp. 53–78. <https://doi.org/10.25100/hye.v0i14.6846>
- Montalvo J.G., Reynal-Querol M. Ethnic polarization, potential conflict, and civil wars. *Am. Econ. Rev.*, 2005, vol. 95, no. 3, pp. 796–816.
- Morales Nieto J. *¿Qué es el postconflicto? Colombia después de la guerra: Una breve introducción al reto de cómo enfrentar el proceso de transición hacia la reconciliación y la paz en Colombia*. Lecturas sobre paz y Desarrollo, B, Grupo Zeta, 2015. 196 p.
- Moreno Aristizábal D.A. *Analysis of the determinants of Foreign Direct Investment (FDI) in developing countries. Specific case of Colombia*. Master's Degree in Engineering and Management. Politecnico di Torino, 2022.
- Popov F.A. Fragmentation of the political space of the world: The main forms and current trends. *Reg. Issled.*, 2015, no. 2, pp. 64–73. (In Russ.).
- Prieto Curiel R., Quiñones Domínguez M., Lora E., O'Clery N. Mobility between Colombian cities is predominantly repeat and return migration. *Comput. Environ. Urban Syst.*, 2022, vol. 94, art. 101774. <https://doi.org/10.1016/j.compenvurbsys.2022.101774>
- Rohas Samper M. Gustavo Petro: The first leader of left government in Colombian history. *Latinoam. Istor. Al'manakh*, 2023, no. 38, pp. 237–263. (In Russ.).
- Sebentsov A.B., Kolosov V.A. The phenomenon of uncontrolled territories in the modern world. *Polis. Polit. Issled.*, 2012, no. 2, pp. 31–46. (In Russ.).
- Skachkov V.S., Zayats D.V. Assessing the risks of spatial disintegration in a state with a multinuclear territorial and political structure (on the example of Bolivia). *Vestn. S.-Peterb. Univ. Nauki Zemle*, 2022a, vol. 67, no. 3, pp. 475–490. (In Russ.).
- Skachkov V.S., Zayats D.V. Risks of the state territory disintegration (case studies of Mexico, Venezuela and Chile). *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2022b, no. 3, pp. 50–61. (In Russ.).
- Skachkov V.S., Zayats D.V. Dynamics of the risks of spatial disintegration in Argentina at the beginning of the 21st century. *InterCarto. InterGIS*, 2023a, vol. 1, no. 29, pp. 34–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2023-1-29-34-54>
- Skachkov V.S., Zayats D.V. Spatial disintegration of the state and evaluation of its risks (a case study of Ecuador). *Geogr. Vestn.*, 2023b, vol. 65, no. 2, pp. 36–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2023-2-36-48>
- Suarez A., Árias-Arévalo P.A., Martínez-Mera E. Environmental sustainability in post-conflict countries: insights for rural Colombia. *Environ. Dev. Sustain.*, 2018, vol. 20, pp. 997–1015. <https://doi.org/10.1007/s10668-017-9925-9>
- Treivish A.I. Regionalization and reintegration of Russia: The crisis cycle of the last decade. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2001, no. 4, pp. 73–80. (In Russ.).
- Turovskii R.F. *Politicheskaya regionalistika* [Political Regionalistics]. Moscow: GU-VShE Publ., 2006. 780 p.
- Villar D., Schaeffer D. Disarmament is the new war, gold is the new opium, and ecohealth is the historic victim. *Environ. Health Insights*, 2019, vol. 13. <https://doi.org/10.1177/1178630219862241>